

Шэнь Цинчи, собравшись с духом, выбежал из дома и, преодолев пару сотен метров, остановился на перекрестке, жадно вдыхая свежий воздух.

Ах, вот он, запах свободы!

Но тут же он нахмурился, потянул носом воздух — что-то здесь было не так.

Внезапно налетел прохладный, влажный порыв ветра, пронзивший его футболку насквозь и заставивший парня вздрогнуть.

...Оказалось, это был вовсе не запах свободы, а запах сырой земли.

Собирался дождь.

Шэнь Цинчи поднял голову к небу: луна уже спряталась за облаками, и на кончик его носа упала первая капля.

Хлынул ливень. Он оглянулся на виллу клана Шэнь, но возвращаться и рисковать, чтобы забрать зонт, не было никакого желания.

Прикрыв голову водонепроницаемым рюкзаком, он бросился под дождь и поймал такси.

Водитель не стал ворчать из-за того, что пассажир промок до нитки, и впустил его в салон: Паренек, куда едем?

Шэнь Цинчи молниеносно захлопнул дверь и стряхнул воду с рук: В...

И внезапно замолчал.

Куда? К Шэнь Фану.

А где живет Шэнь Фан?

Он понятия не имел!

В голове у оригинала не было ни единой зацепки о том, где живет Шэнь Фан — очевидно, что он никогда у того не был.

Шэнь Цинчи принялся лихорадочно рыться в памяти, пытаясь вспомнить название жилого комплекса, которое промелькнуло в романе: Э-э... что-то связанное с садом?

В нашем городском округе Цинчжоу таких садов несколько, какой именно?

Э-э... самый элитный?

Самый элитный... — водитель призадумался. — Бихай Хуатин? Это элитный коттеджный поселок.

Да-да, точно! — глаза Шэнь Цинчи засияли. — Именно туда.

Понял. — Водитель включил счетчик и протянул ему пачку бумажных салфеток: Вытрись.

Шэнь Цинчи взял их: Спасибо, мастер.

Он кое-как обтерся, но ему стало неловко от того, что он так намочил чужую машину, поэтому

при расчете он оставил водителю немного больше денег.

Такси довезло его до ворот Бихай Хуатин. Шэнь Цинчи добежал до навеса у поста охраны, чтобы спрятаться от ливня, и тут же столкнулся с новой проблемой.

Теперь он знал, в каком поселке живет Шэнь Фан, но понятия не имел, в каком именно доме.

Кто здесь? — охранник, видя, что парень не уходит, приоткрыл окно и высунулся наружу. — Что нужно?

Шэнь Цинчи, прижимая к себе рюкзак, заметно нервничал: Я... я пришел к своему дяде. Вы не могли бы меня впустить?

К дяде? — охранник окинул его взглядом. — И в каком доме живет твой дядя?

Шэнь Цинчи нашелся: Я не запомнил, он сказал просто назвать его имя. Его зовут Шэнь Фан.

А, Шэнь Фан, — охранник, очевидно, знал это имя. — Позвони ему, пусть подтвердит, что знает тебя, тогда и пропущу.

Но... — Шэнь Цинчи сделал беспомощное лицо, — у меня телефон разрядился.

Если бы у него был номер Шэнь Фана, стал бы он так мучиться!

Охранник посмотрел на него с подозрением, но, видя хрупкую фигуру парня, промокшую одежду, прилипшую к телу так, что казалось, будто первый же порыв ветра его унесет, пожалел его. К тому же лил дождь, и он решил сделать одолжение: Ладно, я сам позвоню.

Спасибо, дяденька.

*

Шэнь Фан вышел из ванной, вытирая голову полотенцем, как вдруг зазвонил телефон.

Взглянув на экран, он увидел имя охранника, дяди Ли.

Удивленный, он ответил: Господин Шэнь, прошу прощения. Тут пришел мальчик, говорит, что ищет вас. Пропустить его?

Шэнь Фан недоумевал: Мальчик? Кто такой?

В трубке, перекрывая шум дождя, раздался другой голос: Дядя, это Цинчи.

...Шэнь Цинчи? — Шэнь Фан был озадачен. — Так поздно, почему ты не спишь дома, а приперся ко мне?

Шэнь Цинчи сжал лямки рюкзака, глядя на телефон в режиме громкой связи, и промямлил: Можно... можно при встрече? На улице так темно, мне страшно.

В трубке послышался тяжелый вздох: Ладно. Пропустите его.

Тот самый... — поспешно добавил Шэнь Цинчи, — дядя, в каком доме ты живешь?

В девятом.

Повесив трубку, охранник пропустил Шэнь Цинчи и предложил: У меня есть зонт, одолжить?

Не нужно, спасибо!

Шэнь Цинчи под проливным дождем принялся искать девятый дом. Его одежда, которая не успела просохнуть, промокла еще сильнее. К счастью, перед виллами горели фонари, и, побродив немного, он наконец нашел нужное здание.

От долгого пребывания под дождем его била крупная дрожь, зубы выбивали чечетку, и он холодными пальцами нажал на дверной звонок.

Вскоре дверь отворилась. Шэнь Цинчи прошел через дворик к главному входу.

Именно таким его и увидел Шэнь Фан.

Промокший до нитки подросток стоял в свете ламп, обнимая огромный рюкзак, который казался непосильной ношей для его тщедушного тела. Он с опаской поднял глаза, волосы, намокшие от дождя, прилипли к лицу, по подбородку катились капли воды, губы побелели от холода, а уголки глаз покраснели.

Подросток мелко дрожал, в его темных глазах стоял туман, а голос срывался: Дя... дядя.

Словно маленький зверек, промокший под дождем и вынужденный искать спасения у людей.

Шэнь Фан некоторое время смотрел на него, затем посторонился: Заходи.

Закрывшаяся дверь отрезала холодный ветер и дождь. Видя, в каком состоянии парень, Шэнь Фан достал из шкафчика для обуви тапочки: Иди в душ.

Шэнь Цинчи продолжал дрожать: Спа... спасибо, дядя.

Он едва держался на ногах от холода, поэтому поспешил в ванную и встал под горячий душ.

Горячая вода, стекающая с головы до пят, разогнала холод, и Шэнь Цинчи почувствовал, что снова ожил. Выйдя из ванной, он увидел, что Шэнь Фан сидит на диване в гостиной, а перед ним на журнальном столике стоят две чашки горячей воды.

Шэнь Цинчи сел на боковое кресло, взял чашку, предназначенную ему, и сделал несколько маленьких глотков.

Говори, — Шэнь Фан, подперев голову рукой, лениво откинулся на спинку, — зачем пришел?

Я... — губы Шэнь Цинчи едва начали обретать цвет, но от такого тона, напоминавшего допрос, снова побледнели.

Он сглотнул, и его тело снова забила дрожь: Мне страшно.

Шэнь Фан, до этого полуприкрывавший глаза, наконец открыл их: Чего именно ты боишься?

Сегодня... после банкета я немного перепил и ушел к себе в комнату, — зрачки Шэнь Цинчи расширились, изображая крайний испуг, — я заперся изнутри, хотел переодеться и лечь спать,

как вдруг услышал, что кто-то пытается открыть дверь снаружи. Я до смерти перепугался и боялся издать хоть звук. Этот человек дергал ручку, потом выругался и ушел.

Брови Шэнь Фана сошлись на переносице: Кто это был?

Шэнь Цинчи крепко сжал стеклянный стакан: По голосу — мужчина, но не отец. Возможно... Чжоу Ванъянь.

Шэнь Фан постучал пальцами по подлокотнику дивана: Из-за того, что он пытался открыть дверь, ты среди ночи ушел из дома и сбежал ко мне через ливень? Шэнь Цинчи, ты уже взрослый человек. Не кажется ли тебе, что твоя реакция слишком острая?

Шэнь Цинчи лишился дара речи.

Действительно, объяснить больше он не мог. Он же не скажет Шэнь Фану, что попал в этот мир из книги и знает, что Чжоу Ванъянь хотел его домогаться. Это был лишь предлог, а цель — просто оказаться в доме Шэнь Фана. Цель достигнута, теперь нужно задержаться здесь подольше, любыми способами.

Он опустил голову, и глаза его покраснели: Но мне действительно страшно. За ужином он постоянно смотрел на меня таким взглядом... я не хочу быть с ним в одном доме. Раньше, когда его не было, мама и так со мной не церемонилась, а теперь, когда он вернулся...

Сказав это, он резко вскинул голову: Дядя, можно мне пожить у тебя несколько дней? Я не хочу возвращаться. Через двадцать дней начинается учеба, я сразу перееду в общежитие и точно не буду доставлять тебе хлопот!

Даже если я соглашусь, что ты скажешь своим родителям? — на лице Шэнь Фана не дрогнул ни один мускул. Теперь, когда никого не было, он даже не пытался притворяться. — Я не люблю, когда в доме чужие люди. Ладно, сегодня ливень слишком сильный, можешь остаться на ночь, а завтра утром я попрошу водителя отвезти тебя домой.

Шэнь Цинчи поспешно воскликнул: Но...

Но что? — Шэнь Фан поднялся, и в его голосе прозвучал холод. — Или ты хочешь, чтобы я выставил тебя прямо сейчас?

Нет, я... — Шэнь Цинчи засуетился, — я останусь. На одну ночь... всего на одну ночь.

Шэнь Фан, похоже, исчерпал лимит терпения и направился к лестнице: На первом этаже есть пустые комнаты, выбери любую. Подушки и одеяла в шкафу, возьмешь сам. Зубная щетка и стакан в ванной — найдешь. Если хочешь пить — наливай сам, в холодильнике есть еда. Делай что хочешь, только не мешай мне.

С этими словами он поднялся на второй этаж.

Шэнь Цинчи проводил взглядом его спину, пока тот не скрылся за поворотом лестницы, и выражение его лица мгновенно изменилось — от испуга не осталось и следа.

Он предполагал, что Шэнь Фан откажет, но не ожидал, что сделает это так решительно.

Если бы Шэнь Фан легко позволил ему остаться, он бы, наоборот, подумал, что на этого человека нельзя положиться.

Кем был «Шэнь Цинчи»? Сыном Шэнь Цзина. Пусть и не родным, но сыном, которого растили восемнадцать лет. Шэнь Фан все эти годы опасался Шэнь Цзина, и теперь, когда приемный сын врага ни с того ни с сего заявляется к нему, он был бы дураком, если бы не заподозрил неладное.

Будь он еще более подозрительным, он мог бы решить, что конфликт между Чжоу Ванъянем и Шэнь Цинчи — лишь спектакль, цель которого — заставить Шэнь Цинчи сбежать из дома Шэнь Цзина и стать шпионом, подосланным к нему.

Шэнь Фан — «злодей», проходящий красной нитью через всю книгу, не мог попасться на такую дешевую уловку, если только автор насильно не лишит его здравого смысла.

Хотя Шэнь Фан отказал, Шэнь Цинчи несколько не расстроился. В конце концов, у него в руках «сценарий», и способов добиться своего предостаточно. Раз уж Шэнь Фан разрешил остаться на ночь, то он останется, а там видно будет. Он начал с любопытством оглядываться по сторонам.

В романе фокус внимания всегда был прикован к Чжоу Ванъяню, поэтому возможность описать дом Шэнь Фана почти не выпадала, разве что в тот единственный раз, когда Чжоу Ванъянь совершал покушение с ножом.

Обойдя первый этаж, Шэнь Цинчи сразу отметил: здесь слишком пусто.

Ни экономки, ни няни, ни прислуги — судя по бытовым следам, Шэнь Фан жил один.

Все говорили, что Шэнь Фан — распутный гуляка, но разве так выглядит дом типичного повесы? Даже в шкафу для обуви были тапочки только его размера — Шэнь Цинчи они были велики, и он едва ими шаркал.

Похоже, Шэнь Фан никогда не приводил сюда женщин.

Шэнь Цинчи заглянул на кухню и открыл холодильник: там лежало много свежих овощей, значит, кто-то здесь постоянно готовил.

Раз прислуги нет, значит, Шэнь Фан готовит сам.

Кроме этого, в холодильнике он обнаружил бутылку свежего молока. Он достал её: дата выпуска — вчерашний день, значит, доставили сегодня утром.

Срок годности такого молока обычно всего три дня, лучше пить его свежим. Почему Шэнь Фан его не выпил? Если оставить до завтра, вкус будет уже не тот.

Шэнь Цинчи, ничуть не смущаясь, открыл бутылку и выпил её — в конце концов, завтра принесут новую, Шэнь Фан не останется без молока.

С бутылкой в руках он вернулся в гостиную и заглянул под журнальный столик, надеясь найти что-нибудь перекусить, но обнаружил лишь пакет грецких орехов.

Орехи его не заинтересовали, он положил их обратно. И тут взгляд упал на стол: там лежала пара орехов для медитации. Судя по их виду, их крутили в руках много лет.

Этот Шэнь Фан... пьет молоко, крутит орехи, готовит сам...

Что бы он ни делал, ничто в нем не вязалось с образом распутного повесы.

Шэнь Цинчи не решился трогать орехи и с молоком ушел в спальню.

*

В три часа ночи Шэнь Фан проснулся от острой боли.

Она стала невыносимой, пульсируя в руке, что выводило его из себя. Он сел в кровати, нахмутив брови.

Из-за Шэнь Цинчи он забыл принять лекарство и лег спать. Сразу после душа, пока действовал алкоголь, он не чувствовал дискомфорта, но сейчас, когда хмель выветрился, боль вернулась с удвоенной силой.

Он выдвинул ящик прикроватной тумбочки, достал аптечку, но обнаружил, что упаковка обезболивающего пуста. Он перерыл всё, но ничего не нашел.

В раздражении он швырнул пустую коробку в корзину для мусора и подошел к окну. Отодвинув штору, он увидел, что дождь все еще идет, а стекло покрыто потоками воды.

Его лицо, частично освещенное тусклым светом из окна, выглядело еще суровее из-за шрама на брови. Постояв молча, он спустился вниз.

Внизу было тихо — Шэнь Цинчи уже спал. Шэнь Фан включил свет в гостиной и достал из ящика под столиком еще лекарств.

Выпив таблетки, он наклеил на руку три пластыря, умело скрыв ими страшные шрамы.

Затем он взял эластичный бинт и начал методично бинтовать руку от локтя до запястья.

Предплечье ныло, было так больно, что даже пошевелить рукой было трудно, пальцы почти не слушались. Ощущение жжения пронизывало нервы и кости. Это заставило его вспомнить тот дождливый вечер шесть лет назад, когда он, защищая Шэнь Цина от убийц, получил это ранение.

Он помнил взгляд Шэнь Цина — лицо этого лицемера выразило редкое изумление. Он не ожидал, что брат будет защищать его ценой своей жизни, как не ожидал, что он подставится под этот удар нарочно.

Шэнь Фан холодно усмехнулся.

Он поднялся и направился к спальне, где спал Шэнь Цинчи.

Сын Шэнь Цина вломился в его дом.

Как добыча, добровольно зашедшая в логово хищника.

Дверь была приоткрыта. Шэнь Цинчи, похоже, доверял ему безгранично — после того, как едва не пострадал от Чжоу Ванъяня, он даже не подумал запереться.

А ведь он всего лишь заступился за него за ужином.

Этот мальчишка слишком наивен. Когда они встретились до банкета, Шэнь Фан думал, что

слова парня были намеренными, но теперь понял — он ошибся.

Впрочем, племянник всегда был таким: послушным до слабости, искренним до глупости. Именно поэтому его так легко обижать.

Даже Чжоу Ванъянь, только появившись в доме Шэнь, мог безнаказанно вытирать об него ноги.

Шэнь Фан толкнул дверь. Свет из гостиной упал внутрь.

Мальчик крепко спал. То ли от жары, то ли еще почему, одеяло сбилось, и его руки и ноги были открыты.

Шэнь Фан посмотрел на тонкие голени: в свете лампы кожа казалась особенно белой и нежной, выделялись косточки лодыжек, стопы с изящным подъемом переходили в округлые пальцы, ногти которых слегка поблескивали.

Он задержал взгляд, брови нахмурились.

Его взгляд скользнул вверх, по тонкой талии, открывшейся из-под задравшейся одежды, и замер на обнаженной груди.

Шэнь Фан нахмурился еще сильнее.

В комнату ворвался порыв влажного холодного воздуха. Он обернулся и заметил, что окно на балкон не закрыто.

Пальцы, лежавшие на дверном косяке, напряглись. Не выдержав, он широким шагом вошел в комнату.

Одним движением он развернул сбившееся в узел одеяло и плотно укутал подростка от шеи до пят, разгладил край, затем закрыл окно, через которое просачивалась вода. Только тогда он перестал хмуриться.

После этого он вышел из комнаты и закрыл за собой дверь.

<http://bllate.org/book/21917/2277167>